

Секция V.

Фразеология русского языка

Концептуальная метафора во фразеологизмах со значением интеллектуальной деятельности

М. К. Абаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Казахстан)

Когнитивная лингвистика, концепт, фрейм, слот, фразеологизм, концептуальная метафора

Summary. This statement is considered to be an actual problem of cognitive linguistics. Characterized concept models of metaphors in phraseology with known intellectual achievement. Several metaphors were distributed: Somatic space, time, soul, biomorphic and subjective.

Теоретической основой предлагаемого ниже описания закономерностей метафорического моделирования действительности стала теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном как одного из направлений в когнитивной лингвистике. Современная когнитивная лингвистика считает метафору формой мышления, а метафорическую модель средством познания и объяснения действительности. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [1, 25]. Концепт метафорически структурирован, деятельность метафорически структурирована и, следовательно, язык метафорически структурирован. Ученые утверждают, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны. Это то, что имеется в виду, когда мы говорим, что концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры.

Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека [1, 27].

Таким образом, в основе теории концептуальной метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира. Метафорические модели заложены в понятийной системе человека, это своего рода схемы, по которым человек мыслит и действует.

Известно, что язык в понимании когнитивной лингвистики – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся на лексикон, морфологию и синтаксис. Понятийное сближение в когнитивной лингвистике рассматривается как более значительный фактор, чем уровневые и структурные различия. Поэтому при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только сугубо метафоры, но и метонимия и другие различные образные средства, учитываются не только лексемы, но и фразеологизмы.

Нам представляется возможным проанализировать концепты во фразеологизмах со значением интеллектуальной деятельности (ИД) посредством метафор.

Итак, концептуальная метафора определяется как способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область мишень те когнитивные структуры (фреймы, слоты, схемы и т. д.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. Область-источник – это та основа, признаки и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания (область-мишень).

Суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [1, 27].

Для того чтобы обозначить что-либо, человек пользуется теми ресурсами, которые есть в языке. Интеллектуальная деятельность человека относится к области абстракции. Метафора в этом случае выступает как важный механизм, при помощи которого мы осмысливаем абстрактные понятия и рассуждаем о них. Следовательно, чтобы передать сущность интеллектуальной деятельности, человек использует

языковые знаки, в которых закреплён уже существующий опыт.

Наш физический и культурный опыт предоставляет множество различных оснований для концептуальных метафор. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «материальное основание неотделимо от культурного, так как выбор материального основания из множества возможностей регулируется культурными факторами [1, 43]. Эту мысль подтверждает и В. А. Маслова, которая рассматривает структуру концепта в виде круга, в центре которого лежит основное понятие – ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом [2, 55].

В ходе анализа нами были выделены шесть концептуальных метафор во фразеологизмах со значением интеллектуальной деятельности (соматическая, пространственная, временная, предметная, биоморфная и духовная).

Так как объем тезисов не позволяет нам осветить все шесть моделей, рассмотрим одну из вышеперечисленных.

Соматическая концептуальная метафора во фразеологизмах ИД представлена следующими фреймами:

1. Фрейм «Части тела», в который входят слоты:

Слот 1.1. Голова (*голова садовая, голова еловая, дурья голова, дубовая голова, дырявая голова, пустая голова, мякинная голова, светлая голова, сам себе голова, голова на плечах, голова и два уха, дурные волосы покидают умную голову*).

Слот 1.2. Пальцы (*знать как свои пять пальцев, попасть / попать пальцем в небо*).

2. Фрейм «Физиологические органы». В него входят следующие слоты:

Слот 2.1. Мозг с основной функцией – мышление (*с мозгами, куриные мозги, мозги набекрень, проводить мозговую атаку*).

Слот 2.2. Органы перцепции (глаза, уши, нос) – *хлопать глазами, стоять (маячить) перед глазами, вставать / встать перед глазами, чурка с глазами, смотреть (глядеть) в оба, как будто (словно, точно) пелена (покров, завеса) падает (упала / спала) с глаз, хлопать ушами, пропускать / пропустить мимо ушей, наострить (насторожить) слух, наострить (насторожить) уши, зарубить себе на носу*.

Органы перцепции обладают функцией сбора и обработки информации.

Слот 2.3. Сердце в значении памяти (*вырвать из сердца (из души), выбрасывать / выбросить (выкидывать / выкинуть) из сердца*).

Таким образом, метафорический анализ – это перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую.

В основе концептуальных метафор находятся когнитивные модели. В свою очередь концептуальные модели сводятся в универсальные типовые структуры концептов.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
2. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004.

Отражение национальных проектов в лексике и фразеологии региональной прессы

Л. В. Басова

Тюменский государственный университет
Публицистический текст, лексика, фразеология

Summary. Marking the dominating directions in the development of a society national projects reflect on the language of local press, especially on its lexis and phraseology. On the one hand, the verbal means are able to form a particular attitude of the society to social reforms, on the other hand they renew and enlarge the vocabulary and generally effect the development of the national language.

Как известно, язык газеты чутко и оперативно реагирует на любые перемены в обществе.

Официально провозглашаемая социальная политика государства, направленная на улучшение жизни граждан России, находит свое отражение как в центральной, так и в региональной прессе. Изменения касаются прежде всего лексики, особенно концептуальной, ориентированной на идеологию демократизации общества, на современную экономическую политику государства.

Само словосочетание *национальный проект*, несомненно, является новым и в последнее время широко употребляемым. Однако новым в данном клише является именно сочетание слов, претендующее на терминологичность. Прилагательное *национальный* придает словосочетанию официальную окраску: отмечается расширение значения словосочетания с одновременной политизацией нейтрального по применению слова *проект*.

В сфере оценочности, отражающей семантическое развитие лексики национальных проектов, наблюдается формирование в обществе определенного отношения к данным программам. Вербальные средства языка служат реализации положительных прагматических установок. Например, наблюдается некоторая актуализация слова *заем*, семантическое приспособление слова к новым общественным ситуациям. В современных контекстах слово приобретает ярко выраженную положительную оценку.

В создании экспрессивной и эмоциональной тональности немаловажную роль играет метафора. Современный текст региональных газет изобилует метафорами, которые выполняют не только информационную функцию, но и реализуют

прагматические установки, характеризующие социальную политику государства. Зачастую метафора создает подтекст, который помогает понять отношение автора-публициста к национальным проектам.

Анализ текстов региональных печатных СМИ позволяет сделать вывод о продуктивности образования в них новых устойчивых выражений, отражающих национальные проекты: *участники национального проекта, право на заем, закон о субсидиях и займах, свидетельство о предоставлении субсидии*. Однако говорить о том, что данные выражения прочно войдут в речевой обиход, рано. Некоторые из них становятся менее употребительными, другие, не без помощи печатных СМИ, приобретают популярность и прочно входят в нашу речь.

По нашим наблюдениям, заметно расширяется лексикон региональных газет. Для привлечения внимания читателя, создания большего воздействующего эффекта, публицисты используют не только стилистически нейтральную лексику, но и разговорную, просторечную (*обвальню, заселиться, сладить, раскачка и др.*). На наш взгляд, это не всегда оправданно. Но очевидно, что данные слова лишают тексты печатных СМИ официальности, делают их информативно доступными, нестандартными, оценочными.

Национальные проекты как приоритетные направления социального развития в полной мере отражаются в лексике и фразеологии региональной прессы. Все перечисленные вербальные средства языка, с одной стороны, формируют в обществе определенное отношение к государственному социальному реформированию, с другой, обновляют и пополняют пласты национального языка и в целом влияют на развитие литературного языка.

Системность и узус в устойчивых сочетаниях

Е. Г. Борисова, Е. Н. Кицей

Московский государственный университет печати, Московский государственный лингвистический университет

Фразеология, устойчивые сочетания, межъязыковое сопоставление, интерактивный подход

Summary. The paper deals with the semantic aspects of the fixed collocations. The authors suppose that the Speaker chooses fixed components that are easier for understanding (as it is admitted in the so called interactive approach) and the choice can be based on the meaning of this component, though usage and tradition are also of importance. The hypothesis is partially proved by coincidence of components in the fixed collocations of Russian, English and German.

Коллокации, называемые также устойчивые, или несвободные сочетания, представляют интерес и для фразеологов, и для лексикологов. Первые видят в них разновидность фразеологизмов, т. е. выбор несвободного компонента непредсказуем на основании семантических данных и, следовательно, является узуально закрепленным. Вторые выделяют собственное значение несвободного компонента и отмечают семантическое сходство ключевых слов, сочетающихся с одним и тем же компонентом: *вести урок, занятия, вести наблюдение, мониторинг* и т. п. Это можно рассматривать как признак лексического значения слова.

Двойственность коллокаций иногда приводит к тому, что исследователи их игнорируют как маргинальное явление. Однако коллокации выполняют важную функцию в процессе номинации, служа для заполнения лакун в лексической системе. Это хорошо видно в периоды бурного пополнения лексического состава, когда появление новых слов и лексико-семантических вариантов сопровождается образованием с ними несвободных сочетаний: *дефолт обрушился, вести мониторинг, выстраивать (властную) вертикаль* и т. п. Владение коллокациями является необходимым условием

грамотной русской речи, что привлекает к ним внимание преподавателей языка – и родного, и иностранного.

Поэтому имеет смысл обратиться к таким языковым моделям, которые позволяют отражать двойственную природу коллокаций и дают возможность объяснить элементы системности в их семантике. Мы используем интерактивную модель языка, которая предполагает выбор говорящим единицы с учетом понимания адресатом возможных вариантов выражения какого-либо смысла. При этом оптимальность понимания обеспечивается не только семантикой единицы, но и контекстом, общими знаниями и основанными на всех этих данных выводах, делаемых слушающим.

Понимание коллокации, например, может осуществляться на основе идентификации услышанного со словарным вариантом (т. е. предполагается, что в памяти хранится коллокация как единая фразеологическая единица). Такое предположение отражает свойство несвободности сочетания, его непредсказуемости при порождении.

В свободных сочетаниях говорящий осуществляет выбор компонентов пословно, опираясь на лексическую семантику. Однако такую операцию можно усмотреть и для поро-

ждения коллокаций: один из компонентов, ключевой, выбирается так же, как и свободное слово. Второй компонент не может быть предсказан на сто процентов. Однако вероятность понимания коллокации возрастает, если со сходными ключевыми словами будет использован один и тот несвободный компонент. Это особенно значимо для случаев коллокаций с неологизмами, для которых узус еще не сформировался. Например, слово *глобализация* образует сочетание с глаголом *идет*, распространенном в сочетаниях с обозначениями длительных событий: *идет война, борьба, осмысление, процесс чего-либо* и т. п. В этом случае понимание вряд ли может опираться на узус. Однако окончательное закрепление словосочетания происходит именно в ходе повторных употреблений слова, т. е. узуализации, которая может быть описана в рамках теории катастроф через метафору углубления русла после почти равновероятного выбора направления движения воды по новому месту. Когда этот процесс не завершен, возможны отдельные колебания: глобализация идет, совершается, происходит и т. п. Иными словами, мы признаем за несвободным компонентом собственное значение, продуктивность которого ограничена.

Семантическая мотивация коллокаций подтверждается и достаточно распространенным совпадением несвободных компонентов, выявляемых при сопоставлении коллокаций в разных языках. Например, сравнивая сочетания с глаголом *вести* и их переводы на английский и немецкий языки, можно обнаружить, что нередко (но, естественно, не всегда) в них присутствуют буквальные переводы русского глагола: *conduct (lead, carry out)* и *fuehren*. Например:

Вести [судебное] дело – англ. *to conduct a case* / нем. *einen Prozeß führen*

Вести расследование – англ. *to carry out / conduct an inquiry*; нем. *die Untersuchung führen*;

Вести следствие – англ. *to conduct / hold an inquest*;

Вести исследование – англ. *to make / conduct / pursue an investigation* / нем. *die Untersuchung führen*;

Вести наблюдение – нем. *die Aufsicht führen*;
Вести / повести наступление – *to lead an attack* / нем. *den Angriff führen*;

Вести / повести полемику – англ. *Hold / conduct polemics* / нем. *Polemik führen*.

Как мы видим, отмеченное соответствие далеко не всегда соблюдается, что определяется узусом, различным в разных языках. Однако частые совпадения явно связаны с особенностями семантики глагола *вести*. Заметим, что, несмотря на наличие общего источника для калькирования коллокаций – французского языка, не все отмеченные нами случаи совпадения имеют аналоги во французском. Так, *вести войну* имеет в качестве несвободного компонента переводной эквивалент в немецком *Krieg führen*, а *вести обстрел* в английском *to conduct a bombardment*. Во французском же в первом случае *faire la guerre* – букв. «делать войну», а во втором *executer le feu (le tir)* – букв. «осуществлять стрельбу».

Таким образом, мы можем предположить, что совпадение переводных эквивалентов свидетельствует о том, выбор несвободного компонента определялся реализацией каких-то семантических потенциалов прямого значения этого слова, что подтверждается тем, что в других языках, где семантика переводов этого слова близка, реализовались те же семантические потенциалы. Можно предположить, что понимание нового сочетания облегчалось ролью этих компонентов в образовании семантики сочетания в целом, а следовательно – такой вариант оказывался предпочтительнее, чем сочетание с другим глаголом. Однако влияние узуса, как нередко случайного фактора, тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Литература

1. Борисова Е. Г. Коллокации: что это такое и как их изучать? – М. Филология, 1996
2. Борисова Е. Г. К вопросу о механизме узуализации // Wiener Slawistischer Almanach. B. 46. 2000.

Интернет-игра в антифразы

Т. Г. Бочина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

Загадка, прецедентные единицы, контраст

Summary. The Internet-play on antiphrases. A specific type of a riddle is studied in this report – the internet-play on antiphrases. The initial prototypes of antiphrases are classified and their linguistic peculiarities are analyzed.

Интернет, являясь мощным катализатором языковых процессов, вносит неоспоримый вклад в современный русский фольклор. Пользователи многих развлекательных сайтов активно эксплуатируют различные виды языковой игры, апеллируя при этом к общенародному фонду народной мудрости – паремиям, крылатым словам и фразеологизмам, другим прецедентным высказываниям и текстам, создавая на их основе современные трансформы. В кругу многочисленных трансформаций прецедентных единиц особое место занимают так называемые антифразы – загадки-перевертыши, переделанные из известных высказываний путем замены слов на противоположные (контрастные). Эта игра существует в Рунете несколько лет и продолжает набирать свои обороты. Фактически антифраза – своеобразный вид загадки, когда угадываются известные фразы, цитаты, афоризмы, стихи, написанные со смыслом «наоборот», при этом один из играющих сочиняет перевертыш, а другие пытаются угадать исходную фразу. Правда, интернет-загадка далеко не всегда придумывается участниками форума, и многие антифразы буквально гуляют по разным сайтам, что роднит их с традиционной загадкой. Таковы, к примеру, трансформации: *Пятьдесят четыре – мужик огурец впервые (Сорок пять – баба ягодка опять); Да запретят тебе разбужнуть! (Не дай себе засохнуть!); Тело лежит в Америке (Призрак бродит по Европе)* и др.

Игру в антифразы объединяет с классической загадкой и их социальная функция, коммуникативная установка «на социальное единодушие и сдвиг «горизонта ожидания» при

отгадывании» [1, 400]. Именно общий фонд знаний адресанта и адресата обеспечивает коммуникативную состоятельность загадок-перевертышей, под которой понимается их принципиальная разгадываемость членами своего социума. Можно сказать, что способность понять перевертыш является своего рода критерием принадлежности к определённому кругу общества, поэтому в качестве прототипов для антифраз используются, как правило, прецедентные единицы, несущие в себе кванты традиционной культурной информации:

– пословицы и поговорки: *Как бы ты быстро ни ползал, а далеко не уйдешь (Тише едешь – дальше будешь); Хоть далеко коленка, а попробуешь на вкус (Близок локоть, да не укусишь); Дома плохо, а не дома еще хуже (В гостях хорошо, а дома лучше)*;

– единицы других жанров устного народного творчества: считалки: *10, 9, 8, 7, 6, ушел волк домой (1, 2, 3, 4, 5 вышел зайчик погулять)*; скороговорки: *За площадью сено, в сене иголки (На дворе трава, на траве дрова)*; загадки: *Стоит яблоко, можно выплюнуть (Висит груша, нельзя скушать)*;

– фразеологизмы: *огурец примирения (яблоко раздора), срединный пуфик (краеугольный камень); перед засухой в субботу (после дождика в четверг); сдох без штанов (родился в рубашке); петухам в печаль (курам на смех)* и др.;

– эпитонимы (крылатые слова и выражения): *Хочу образовать, а женщин даже видеть не желаю (Не хочу учиться, а хочу жениться); Указывай на верхушку! (Зри в*

корень!); *Заграничная лиса твой враг!* (Тамбовский волк тебе товарищ), в том числе:

– названия песен и романсов: *Эх, жара, жара, обжигай его* (Ой, мороз, мороз, не морозь меня); *Ах, вянет икебана* (Ой, цветет калина);

– названия литературных произведений и / или их экранизаций, инсценировок: *Зеленый ботинок* (Красная шапочка); *Кикимора под арбузом* (Принцесса на горошине); *Кошачий хвост* (Собачье сердце);

– названия кино-, теле-, мультфильмов: *Наглецы неvezения* (Джентельмены удачи); *Нью-Йорк доверяет хохоту* (Москва слезам не верит); *Доверься пароходу* (Берегись автомобиля); *Гранитная нога* (Бриллиантовая рука); *Развод около Рябиновки* (Свадьба в Малиновке);

– названия телепередач: *Пятачок банальностей* / *Пещера кошмаров* (Поле чудес); *Кружок домоседов* (Клуб путешественников); *Доброе утро, старики* (Спокойной ночи, малыши);

– названия газет и журналов: *Вранье бой-скаутов* (Комсомольская правда); *Безделие* (Труд);

– названия торговых марок: *Ветхий закат* (Новая заря); *Небоскреб в мегаполисе* (Домик в деревне); *Депрессивный мясник* (Веселый молочник);

– названия музыкальных коллективов, например, эстрадных поп-групп: *Кофе в одиночку* (Чай вдвоем); *Потухшие* (Блестящие); *Ростки* (Корни);

– могут загадываться также и имена собственные: *Гулливвер* (Дюймовочка); *Бабушка Жара и внучек Душнячек* (Дед Мороз и внучка Снегурочка).

Чрезвычайной популярностью для «антифразирования» пользуются стихи и песни, при этом переделке подвергаются

не только названия, ключевые строки, но и куплеты, и целые поэтические тексты. К примеру, есть сайты, посетители которых специализируются на анти-трансформации произведений русской поэзии XX века, эстрадных, авторских либо рок-песен.

Таким образом, антифразы весьма разнообразны как по исходному прототипу, так и по объему – от однословных перевертышей до сложно-синтаксических целых и анти-текстов. Тем не менее, все это пестрое многообразие антифразовых загадок объединяет лингвокогнитивный принцип их построения – принцип контраста, характерный и для традиционных паремий.

В загадках-перевертышах отражены особенности современной русской речи, и стремление пользователей быть интересными для своих собеседников, отсюда употребление сниженной или, напротив, книжной лексики: *Кто ленится, тот хаваает* (Кто работает, тот и ест); *Много из леса да пацифисты* (Один в поле не воин), включение современных реалий и тяга к окказиональным способам выражения контраста: *Истина в реале, но не извлечь из него откровений, и лишь расслабляются свирепые аксакалы* (Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок!); *Мужика в карету – мустангу труд тяжелый* (Баба с возу – кобыле легче).

Сопоставление корпуса антифраз с их прототипами позволяет судить об актуальности для сознания современных носителей языка тех или иных концептов и культурных констант, а также самих прецедентных феноменов.

Литература

1. Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. 680 с.

Забытый пакет, или опыт функционально-параметрического описания перифраз русского литературного языка

Т. И. Бытева

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Лингвистическая теория перифразы, фразеография, параметризация перифрастических сочетаний

Summary. The lecture is concerned with the aspects of creating the Dictionary of modern Russian language periphrases by means of information technologies.

Теория фразеологии и вопросы создания фразеологических словарей с помощью компьютерных технологий стали предметом научного интереса и результативных исследований в течение двух последних десятилетий. Этому способствовали инициативы Научного Совета по лексикологии и лексикографии АН СССР и Института русского языка АН СССР: организация методической школы-семинара, посвящённой лексикографической разработке фразеологизмов для словарей различных типов и Машинного фонда русского языка; формирование (в рамках учрежденной Комиссии по фразеологии и фразеографии) Рабочей группы по созданию фразеологического подфонда Машинного фонда. Результатом этих процессов явились многочисленные предпроектные разработки в области фразеологического фонда, исследования фразеологического материала в аспектах связанных с ним теоретических проблем, а также программное обеспечение. Кроме того, опубликованы две коллективные монографии [1, 2], в которых содержится разработка теоретических принципов формирования Машинного фонда русской фразеологии (МФРФ) и Автоматизированного словаря русской фразеологии (АСРФ).

В качестве основной формы размещения фразеологического материала во Фразеологическом подфонде Машинного фонда русского языка (ФПМФРЯ) приняты пакеты – автономные объединения фразеологических единиц разных типов, описание которых предполагает использование набора параметров (модулей), задаваемых как общими принципами упорядочения материала, так и спецификой фразеологического материала в каждом случае. ФПМФРЯ составили па-

кеты единиц, отвечающие понятию **фразеологичности**, трактуемой как «закреплённость языковым узусом лексико-грамматического состава сочетаний слов, в силу чего они не производятся «заново» в речи с помощью достаточно простых и явных правил согласования смыслов, а воспроизводятся в ней в том или ином диапазоне устойчивых лексико-грамматических связей при возможности различного рода смысловых преобразований хотя бы одного из компонентов» [1, 6].

«Пакетированными» оказались фразеологизмы-идиомы, грамматические фразеологизмы, устойчивые словосочетания, паремии, крылатые слова и выражения, речевые штампы и клише. Однако указанному понятию фразеологичности идеально удовлетворяет ещё один вид фразем – перифразы. Последние нуждаются в функционально-параметрическом описании не менее, а более других фразеологических единиц в силу того, что они до последнего времени были исследованы гораздо менее других единиц фразеологического фонда русского языка. В лексикографическом же отношении они являют собой лагуну, в отличие от фразеологизмов, крылатых слов, афоризмов, устойчивых сравнений и других типов фразем, фразеография которых к настоящему времени насчитывает свыше полутора сотен словарей.

Взгляд на перифразу как на предмет лингвистики и объект фразеологии отвечает идее «полной инвентаризации фразеологического фонда русского языка, разбросанного по всем лексикографическим изданиям» [3, 4] и идее создания «Сводного словаря современной русской фразеологии» на основе широкого понимания фразеологии [Там же].

В отличие от разделов фразеологии, связанных с другими типами устойчивых сочетаний, теоретически описанными, лексикографическое отражение перифраз требует современного исследования проблем теории перифразистики и вопросов фразеологирования.

Рассмотрение перифразы как объекта системного описания [4], а не окказионального речевого явления, позволило обнаружить, что в перифразе происходит коммуникативная актуализация семантики слова-номината по определенным семантико-синтаксическим правилам (их пять). Результатом подобной системной актуализации семантики слова-номината является особое, перифрастическое, значение, свойственное обороту. Наличие этого особого, коммуникативно релевантного, значения, расширяющего «сюжет слова», отличного от лексического и фразеологического, – важнейший категориальный признак перифразы.

Другими категориальными признаками выступают: особый компонентный состав; трехчленность семасиологической структуры; актуально-номинативная функция; гиперэкспрессивность, обеспечиваемая несколькими факторами (необычностью номинации, адгерентной и ингерентной экспрессивностью компонентов и частей перифразы, интонемой риторичности); аппозитивность и формально-атрибутивные отношения членов перифрастического сочетания; субъективная модальность (категоричность отождествления денотатов перифразируемого и перифразирующего членов, способность выражать позицию говорящего); коммуникативная самостоятельность перифрастического сочетания при отсутствии коммуникативной равнозначности со словом-номинатом.

Таким образом, перифразы, входя как часть в систему средств номинации языка, представляют собой **автономное множество единиц**, характеризующихся значительной спе-

цификой как в области формальной структуры, так и в области семантики. При этом данное множество сочетаний отнюдь не однородно. Рассмотрение этого класса номинаций с точки зрения внешних семантических особенностей и с точки зрения внутренних семантических особенностей выявило большое разнообразие типов перифрастических сочетаний [4].

Очевидно, что модуль перифрастического пакета должен включать в себя значительное количество специфических параметров: формальная характеристика (лексические варианты, текстовые границы перифрастического сочетания); грамматическая характеристика во внутреннем (морфологическом) и внешнем (синтагматическом) аспектах; типологическая характеристика (общезыковые перифразы, контекстные); стилистическая характеристика в социально-функциональном, временном, жанрово-стилистическом и коннотативном аспектах; способ толкования перифрастического значения в соответствии со структурно-семантическим типом перифразы; иллюстративный материал (основной и дополнительный контексты); лингвострановедческая характеристика, сведения этимологического характера; системная характеристика в парадигматическом аспекте.

Литература

1. Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). М., 1988.
2. Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
3. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова. Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. Г. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М., 2004.
4. *Бытewa Т. И.* Основы лингвистической теории перифразы: Учеб. пособие. Красноярск, 2004.

Русская фразеология как сокровищница старых немецких оборотов

Х. Вальтер

Университет им. Эрнста Морица Арндта, Грайфсвальд (Германия)

Сопоставительная фразеология, картина мира, немецкий, русский, картина мира

Summary. Slavonic languages preserve relics of German idioms which are not to be explained in modern German language use. In the paper are specified the characteristics of Russian and German phraseological units. System characteristics of Russian and German phraseology in comparison to corresponding characteristics of lexicology are described. Even in phraseological units with national features, we often find universal typological or generic features. Of course, one must not go from one extreme to another by ignoring national specifics at all, which are regularities reflected by phraseology. Slavonic idioms and their analysis can help to detect the etymon of German phraseological units more often than obsolete German forms.

Фразеологию (resp. идиоматику) традиционно считают сокровищницей национально специфичных элементов языка и культуры. Увлечение неогумбольдтианскими когнитивными поисками «языковой картины мира», симптоматичное для лингвистики последнего десятилетия, способствовало актуализации и укреплению такого подхода к фразеологии. Факт переоценки национальной доминанты во фразеологии европейских языков, однако, объективно выявляется при последовательном сопоставлении разноязычных фразеологических систем. В исследовании проблем русско-славяно-германского фразеологического взаимодействия инициатива принадлежит славистам. Кажется, однако, что для германистики такие исследования имеют не меньшее значение, чем для славистики как по результату анализа конкретного фразеологического материала, так и по методологии его интерпретации. Особо продуктивным может оказаться использование славистических данных для исторической фразеологии немецкого языка. Во-первых, постоянные и длительные контакты славян и германских народов сделали фразеологические системы многих славянских языков своеобразными «консервантами» старых форм и значений немецкой идиоматики. Во-вторых, индоевропейское языковое родство породило многие общие славяно-германские идиомы, уже имеющиеся на славянской почве убедительную историко-этимологическую расшифровку. В-третьих, длительные славяно-германские культурные контакты оставили мощный отпечаток в виде идиоматики «крылатого» происхождения (античная культура, мифология, Библия, литература, совре-

менный политический дискурс и т. п.), исследование которого в сопоставительном ключе помогает многое уточнить в постижении эволюции общего европейского фонда идиоматики. Наконец, лингвистическая методика историко-этимологического анализа фразеологии, разработанная на славянском материале (напр., метод структурно-семантического моделирования) может оказаться полезным и при аналогичных германистических штудиях.

Слависты уже обратили внимание на столь большое число русско-германских сходжений и достаточно точно диагностировали многие из них как германизмы в славянских языках, в том числе и в русском. Германисты, к сожалению, пока еще почти (за исключением работ Д. О. Добровольского) не обращались к такому рода сопоставлениям, что, как кажется, наносит ущерб как теории, так и практике фразеологии немецкого языка, – особенно в диахроническом аспекте. В частности, славянские языки, длительное время постоянно контактировавшие с немецким, являются нередко «консерватами» многих немецких фразеологизмов, давно ушедших из употребления или существенно изменивших свою форму и семантику. Историк немецкой фразеологии такой материал открывает обширное поле реконструкций внутренней и внешней формы многих современных оборотов. Рассмотрение таких фактов, как кажется, немало даст исторической фразеологии обоих языков. В докладе рассматриваются следующие аспекты такого сопоставления:

1. Методология выявления сходств и различий немецкой и славянской фразеологии.

2. Диагностика фразеологических универсалий (типологического соответствия) и тождеств (генетического соответствия).

3. Хронологизация таких соответствий в сопоставляемых языках и интерпретация их как феномена развития национальных языковых систем.

4. Обнаружение фразеологических «консервантов» немецкого происхождения в различных славянских языках и описание их функционально-семантической эволюции.

5. Фронтальное сопоставление немецкой и славянской фразеологических систем методом семантического поля с целью выявления идеографических доминант.

6. Обнаружение и описание общих и различных структурно-семантических моделей фразеологизмов соответствующих языков.

7. Реконструкция культурологических реалий на основе обнаруженных фактов славяно-немецкого фразеологического взаимодействия.

Всё будет в шоколаде, или о новой метафоре вкусового восприятия

И. Т. Вепрева

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Метафора, новая единица, семантическое поле «питание», сладкий, оценка

Summary. «Food» semantic field participants are actively involved into metaphor making process. The article looks into a new metaphor unit with a positive connotation, originated from a figurative usage of a word «Chocolate».

Начиная с XI века, в процесс метафоризации активно вовлекаются члены семантического поля «питания». Питание как физиологический процесс переосмысливается как процесс идеальный, это, прежде всего, потребность и удовлетворение интеллектуальных, моральных и других запросов. Уже в древнерусском языке наблюдается тенденция к выражению метафорами этого типа противоположной оценки. С одной стороны, питание как необходимое условие жизни оценивается положительно, с другой стороны, христианская мораль накладывала ограничения на плотские удовольствия, ср.: *жажда – жадный, искусить – вкусить, сладостный – слащавый* [1].

В современном речевом обиходе бытует целый ряд метафор, связанных с едой: *не жизнь, а малина; характер у тебя не сахар; молочные реки с кисельными берегами; как сыр в масле кататься* и др. В языке активно развивается метафорический ряд фразеологизмов с лексемой *сладкий*: *сладкая жизнь, сладкая женщина, сладкое слово, сладкая парочка*. Лексема *сладкий* традиционно в современном русском языке осмысливается в переносном значении: «2. перен. Приятный, доставляющий удовольствие. *Сладкая жизнь. Сладкий сон. Сладкие мечты*» (Ожегов, Шведова, 1999, с.728). Наряду с положительным переносным значением словарь отражает и противоположную оценку: «3. перен. Приторно-нежный, умильный (разг. неодобр.) *Сладкая улыбка, сладкий голос*. 4. перен. Льстивый, лицемерный. *Сладкие речи*» (Там же).

Признаки чувственного восприятия, которые обычно выражаются в языке с помощью качественных прилагательных, могут актуализироваться в речевой практике через предметы реального мира, являющиеся их носителями. В обыденном сознании эти предметы обладают устойчивой ассоциативной соотносительностью с данным признаком. В современном языковом общении при выражении вкуса, связанного с ощущением сладкого, используется образ **шоколада**, у которого данный вкусовой признак входит в состав значения на понятийном уровне. Носитель признака является логической базой для возникновения новой метафорической единицы *жизнь в шоколаде* (вариант *всё в шоколаде*) со значением «жизнь прекрасна», «все хорошо» [2]. В системе средств выражения данного типа метафорического значения сохраняется уровень системности, выражающийся в наличии противопоставления мелиоративной и пейоративной оценки. Покажем условия формирования данной метафоры и особенности ее функционирования.

Шоколад – это кондитерское изделие, изготовленное из какао-бобов с сахаром. Осознаваемый ранее как предмет роскоши, шоколад в современной действительности все активнее завоевывает рынок сбыта. Кроме отдельно изготавливаемых шоколадных плиток, популярными становятся кондитерские изделия, покрываемые шоколадом. Начинкой могут быть как достаточно традиционные продукты: разнообразные фрукты, орехи, печенье, халва, – так и экзотические: насекомые, сало (последнее изобретение украинских кондитеров), зернышки какао-бобов. Внешнее оформление шоколада также претерпело изменения. На шоколад стали наносить фотографии, его стали украшать бриллиантами, из шоколада стали делать различные шоколадные фигурки. Современная пропаганда шоколада сделала его чуть ли не

главной панацеей от всех болезней. Шоколад из пищевого продукта становится материалом для изготовления одежды, памятников, фонтанов, портретов, модных аксессуаров. Реклама провозглашает: *кушайте шоколад, и вам будет счастье*.

Таким образом, на основе существующих кулинарных изданий, традиционно покрываемых шоколадом, в сочетании с преувеличенно необыкновенными свойствами шоколада как продукта, обеспечивающего счастливое существование, возникает метафорическое словосочетание *жизнь в шоколаде* в значении обеспеченного великолепного бытия. Новая метафора бытует в современной речи наряду со своим прототипом – сравнительным оборотом *жить как в шоколаде*. Сочетание в процессе своего употребления претерпело изменения: существительное *жизнь* заменилось местоименным обобщением *всё* или личными местоимениями. Наряду с сочетанием *жизнь в шоколаде* употребляется его вариант *всё в шоколаде* либо метафорическое двусоставное предложение в его полной парадигме: *я, ты, он, мы, вы, они (были, будут) в шоколаде*. Последний вариант может функционировать в речи в видоизмененном виде. Для усиления полноты положительного признака в состав фразеологизма включаются местоимения *весь, все*: *ты весь в шоколаде; мы все в шоколаде*. Кроме того, глагол-связка *быть* может заменяться конкретными глаголами *прожить, кататься, купаться (в шоколаде)*. В конкретных контекстах личные местоимения замещаются существительными, называющими лиц, живущими «шоколадной» жизнью: *И лейтенанты при желье и увольняющиеся в шоколаде; столичные автолюбители в любом случае будут в шоколаде*. Поскольку фразеологизм имеет абстрактную семантику, при употреблении он может уточняться, например: *Мои товарищи в то время уехали на материк, и теперь там, как говорится, катаются в шоколаде – дома себе уже отстроили, сети блестящих магазинов держат; Через год я очень удачно вышла замуж, муж меня любит, хорошо зарабатывает, словом, всё в шоколаде*.

Новая метафора в целом употребляется в контекстах с положительной оценкой. Тем не менее, пейоративная оценка, присущая аскетической морали как одной из составляющих христианской культуры, сохраняется в структуре значения новой «пищевой» метафоры. Многие контексты, включающие данные обороты, ироничны: *Возьметесь он за газеты, прочтает уазовскую Панораму, поймет, что на заводе прямо все в шоколаде*; подчеркивают временный характер «шоколадной» жизни, ее иллюзорность: *Пока все в цене, спрос растет – мы в шоколаде; Сегодня ты в шоколаде, а завтра не хватит на флакончик «Боярышника»*. Многие фразы подчеркивают несправедный характер заработанного богатства, который существует рядом с бедностью, несчастьем: *Он весь в шоколаде, а жена под следствием; 40 минут злодейства – и все в шоколаде; Как раз у них-то, у реформаторов, все замечательно получилось – поэтому они сейчас в шоколаде, а страна и народ ...ну, вы знаете, где; Народу плохо, зато свои все в шоколаде*.

Литература

1. Балашова Л. В. Метафора в диахронии как отражение культурного достояния коллектива // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.
2. Новиков В. Словарь модных слов. М., 2005.

Развитие фразеологического значения как один из показателей динамики национального менталитета (на примере фразеологических единиц с фразообразующим компонентом – именем в форме предложного падежа)

Е.Ф. Габрик

Челябинская государственная академия культуры и искусств

Системность, фразеологическое значение, фразеологическая полисемия, менталитет

Summary. The phenomenon of polysemantics of the phraseological unit is discussed in the report based on the unchanged phraseological units with phrase-building component – name in the form of prepositional case. Development of polysemantics phraseological raws as one of language parameters of dynamics of national mentality.

Поскольку главным во фразеологической единице, определяющим ее место в системе языка, является значение, основу системности фразеологии составляют внутренние семантические связи фразеологических единиц. Важное место среди них занимает полисемия.

Являясь номинативным языковым знаком, фразеологическая единица соотносится с объектом номинации. Соотнесенность с понятием выступает как один из показателей многозначности языковых единиц, а также как критерий разграничения их значений.

Многозначная фразеологическая единица обладает двумя и более индивидуальными значениями. «Новое значение должно обладать хотя бы одним существенным признаком логического различия; новое значение предполагает и новую предметную соотнесенность» (С. Гривин). Национальный образ мира формируется из целостности национальной жизни. Способ концептуализации действительности в каждом языке и универсален, и специфичен, поэтому люди, говорящие на разных языках, воспринимают мир через призму национального языка.

Средством реализации значения, а также средством обнаружения однозначности или многозначности фразеологических единиц является референтная соотнесенность и лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость, различие дифференциальных сем; разные грамматические формы у изменяемых фразеологизмов.

Все значения многозначной единицы связаны. При этом весь комплекс значений образует смысловое разветвление, в котором каждое последующее значение-компонент отличается от предыдущего степенью отвлеченности (производящее значение наименее абстрактно, производные характеризуются большей степенью абстрактности по сравнению с исходным и со значением свободной синтаксической формы).

В ходе исследования выявлено 40 многозначных единиц из 654 фразеологизмов с фразообразующим компонентом – именем в форме предложного падежа трех семантико-грамматических классов: качественно-обстоятельного, призначного (предиката), грамматического (предлоги). На материале данных единиц проанализировано лингвокультурологическое поле «русская национальная личность». В связи с этим становится необходимым определение картины мира – «определенное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления».

Анализ языкового материала позволяет определить роль компонентов в формировании новых индивидуальных значений, а также выявить, в каких отношениях находятся значения многозначной фразеологической единицы. В структуре названного поля выделяются микрополя, которые задаются определенным смысловым содержанием, например: «религиозность», «соборность», «отзывчивость», «поляризованность души» и т. д.

Лексические соматизмы как средство мотивации фразеологического значения

М. Горды

Щецинский университет (Польша)

Фразеологическая мотивация, языковая номинация, соматизм

Summary. The problem of phraseological motivation of phraseosemantic group with somatic component in contemporary Russian and Polish languages is presented in the paper. The semantic relation of somatic component and its connections are the basis of presented typology.

Вопрос фразеологической мотивации связан с проблемой лингвистического статуса компонента фразеологической единицы (ФЕ) и фразеологического значения. При узком понимании фразеологии считается, что компонент ФЕ десемантизируется и перестает быть словом (А. И. Молотков, В. М. Мокиенко, А. А. Смирницкий, А. Boguslawski, А. М. Lewicki, А. Pajdzińska и др.), фразеологическое значение соизмеряется с лексическим. При широком – компонент ФЕ квалифицируется как слово (В. Л. Архангельский, Н. И. Шанский, Р. Н. Попов, В. Н. Телия, М. А. Алексеенко, Л. И. Ройзензон, В. П. Жуков, С. Т. Гаврин, S. Skorupka, W. Chlebda и др.), фразеологическое значение – как обобщенно-целостное устойчивое значение, степень обобщенности и целостности которого представляет собою шкалу от прямого значения всех компонентов устойчивой сверхсловной воспроизводимой единицы до полного семантического ее переосмысления (М. А. Алексеенко).

В аспекте языковой номинации фразеологизмы являются средствами вторичными по сравнению с первичными лексическими наименованиями, когда выделенный фрагмент действительности впервые получает свое наименование. Вторичное использование уже существующих единиц в новом номинативном отношении мотивировано смысловыми мотивами выбора средств для названия (сущностью фразеологической номинации по сравнению с лексической) и пригодностью самых слов-компонентов ФЕ выполнять новую номинативную функцию (В. Н. Телия).

Лексические соматизмы (наименования частей тела человека) характеризуются большой фразеообразующей продуктивностью. Группа образованных при помощи их ФЕ русского языка насчитывает более 1500 единиц, польского – около 2000.

Опосредованность связи фразеологического значения с действительностью через опорное наименование осуществляется как в плане его сигнификации (семантические признаки компонентов переосмысливаемой единицы переносятся в сингфикат ФЕ), так и денотации (тип образа передаваемого «буквальным значением» опорного наименования, тип квазиденотата опорного наименования).

В сигнификативном аспекте, ФЕ с лексическим соматизмом разделяются на мотивированные: 1) категориальным и переносным лексическим значением соматизма, 2) переносным лексическим значением соматизма или 3) семантическим признаком соматизма. В денотативном – 1) ФЕ, в которых образ, создается в результате переосмысления прямых значений компонентов; 2) переосмысления прямого значения только соматизма; 3) образ является элементом обозначаемого фразеологизмом денотата с одновременным переосмыслением семантического признака соматизма, например, передает стадию именуемого действия и 3) образ, передаваемый прямыми номинативными значениями соматизмов, подвергается в целом процессу переосмысления, квазиденотатом ФЕ является жест, мимика, физическое изменение тела и т. п.

О глагольных фразеословосочетаниях в современном русском языке

А. Г. Гюльмагомедов, Г. А. Гюльмагомедов

Дагестанский государственный университет.

Синтаксис, словосочетание, фразеословосочетание, фразеосочетание, словофразеосочетание.

Summary. The given report presents the first attempt to characterize the syntactical units, formed as a result of the notional and grammatical combination of verbal phraseological units with lexical units (words).

Как известно, фразеологические единицы, являясь номинативными единицами в системе языка, в процессе речи сочетаются как между собой (= фразеосочетания), так и с лексическими единицами (= фразеословосочетания и словофразеосочетания). (См. более подробно [1].)

Термином «фразеословосочетания» мы обозначаем синтаксические единицы, которые образуются в результате сочетания фразеологизма со словом: *открыть сердце бродяге, болеть душою за студентов, открывать Америки ежегодно* и др. Анализируемый нам тип синтаксических единиц следует отличать от таких синтаксических единиц, как *дать оценку выступлению / оценить выступление, дать согласие оппонировать / согласиться оппонировать, вести сев яровых / сеять яровые, вести подкормку посевов / подкармливать посева* и др., которые были предметом внимания синтаксистов (см. хотя бы [2]).

В зависимости от того, с какой частью речи соотносится фразеологизм-главный компонент, наиболее продуктивны именные (*властитель дум интеллигенции, ежедневная мышиная возня*) и глагольные (*втирать очки соседям, выбить из головы учебу*) синтаксические единицы. Наше сообщение посвящается изложению предварительных наблюдений над наиболее продуктивными разрядами синтаксических единиц – глагольными фразеословосочетаниями.

Глагольные фразеологические единицы сочетаются, как правило, с именами, местоимениями и наречиями (приводимые здесь и дальше тексты с фразеологизмами заимствованы из [3]): [*Онушкин.*] *Хорошо воспитанная жена должна знать непременно по-французски.* [*Яичница.*] *Нет, я не возьму этого в толк. Что вы знаете по-французски, так и жена должна знать по-французски?* (Гоголь. Женитьба). *Мы с ней видим друг друга насквозь, и она хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела.* (А. Островский. Волки и овцы).

Вполне возможны случаи, когда одна и та же ФЕ распространяется двумя именными компонентами: – *Нет, господин учитель!.. не выдайте вам Катерину как своих ушей!* (Гоголь. Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан»). – *Это дело мудреное, дураку его в толк не взять* (Г. Успенский. Непорванные связи).

Глагольный фразеологизм может одновременно управлять именными и наречными словами: *Может быть, мне лучше будет, если она выйдет замуж за... Ну, нет, это пустышка... Мне тогда не выдайте ее как своих ушей* (Тургенев. Где тонко, там и рвется). [*Анна Николаевна*] *кокетничает и делает из окна глазки всем, кто ни пройдет по улице* (Достоевский. Дядюшкин сон). *В переднем ряду гимназистки старших классов, с напудренными носиками и лукаво стреляющими по сторонам глазками, переговаривались между собой* (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Глагольные фразеологизмы сочетаются с наречными единицами: *Я до 20 декабря свету не видал от болезни... страдал от невралгии* (А. Островский. Письмо П. И. Вейнбергу).

Я видел, как сыплются бомбы, даже точно определил – первым взлетел на воздух театр, за ним здание областной милиции, загорелся почтамт (А. Федоров. Подпольный обком действует).

Очевидно, фразеословосочетаниями следует квалифицировать и случаи, когда один из компонентов глагольной фразеологической единицы распространяется словом: *Фомин силой сжал бока коня, послал его в толпу. Народ шарахнулся в разные стороны. В широком кругу осталась одна вдова. Она видела всякие виды и потому спокойно глядела на оскаленную морду* (Шолохов. Тихий Дон). *Крайком заседал. На семи телефонах Висели корреспонденты газет* (В. Гусев. Сад).

Наличие многообразия типов глагольных фразеословосочетаний объясняется той большой ролью, которую играет глагол в языке.

При исследовании фразеословосочетаний вообще и глагольных в особенности отдельным и сложным является вопрос об их объеме и границах. Если руководствоваться концепцией В. В. Виноградова о словосочетаниях, то следует выделять простые и сложные фразеословосочетания. Простое фразеословосочетание – это номинативная синтаксическая единица, которая состоит из двух компонентов (фразеологизма и сочетающегося с ним слова): *прописать ижичу всем, прокатить на вороных губернатора, прожужжать уши старикам* и др.. Сложное фразеосочетание – это такая синтаксическая единица, которая образовалась в результате распространения словом или словами одного из компонентов простого фразеословосочетания: *прописать ижичу всем студентам, прокатить на вороных молодого губернатора, прожужжать уши нашим старикам*. Логично было бы считать сложными и такое фразеословосочетание, у которого главный компонент (т. е. фразеологизм) имеет два зависимых компонента-слова, образующих сложное смысловое целое: *весело прокатить на вороных губернатора, ежедневно прожужжать уши студентам* и др.

Считаем, что вопрос о простых и сложных фразеословосочетаниях различных морфологических разрядов не может ограничиться сделанными замечаниями. Возникает ряд уточнений, связанных с синонимическим параллелизмом (*тихо – тихим голосом, медленно – медленным шагом* и т. д.) в структуре фразеословосочетаний, различными типами обыгрываний фразеологических единиц в тексте и др. Вместе с тем полагаем, что поднимаемые нами вопросы заслуживают внимания широкого круга лингвистов.

Литература

1. Гюльмагомедов А. Г. К вопросу о теории фразеосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы филологии. 2004. № 3. С. 44–49.
2. Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 53–62.
3. Фразеологический словарь русского языка. М., 1978.

Структура крылатых выражений как результат действия законов языка

Л. П. Дядечко

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко (Украина)

Законы языка, структурные изменения, импликация, экспликация, крылатое выражение

Summary. The article discloses the model of prototype structural change in the formation of winged words as language units, shows that they are determined by the general laws of language functioning.

Бытующее мнение о том, что крылатые выражения (далее – КВ) находятся вне компетенции лингвистов, в настоящее время получает весьма аргументированное опровержение как в работах чисто теоретического характера, так и в лексикографической практике. Превратный подход к этим спе-

цифическим образованиям зиждется, с одной стороны, на слишком широком истолковании термина, когда к ним относится любое понравившееся высказывание, более или менее подхваченное некоторым социумом, а с другой – на акцентировании их происхождения на базе готовых текстов, а

по сути – отождествлении с цитатами и даже с произведениями малых речевых жанров (анекдотами, тостами, молитвами и под., не являющимися, естественно, единицами языка), когда не учитываются их собственные, принципиально отличные от цитатных функциональные свойства.

Восходя к конкретным фрагментам текстов (прототипам), КВ в процессе приобретения языкового статуса претерпевают серьезные изменения не только содержательного (превращаясь в средство номинации), но и нередко формального плана.

Сличение около трех тысяч КВ, активно функционирующих в русском языке, с их прототипами показывает, что чаще всего несовпадение их структур связано с неодинаковым количеством входящих в них компонентов. Если число слов у КВ меньше, чем у прототипа, то данный способ преобразования называется импликацией, если больше – экспликацией.

Импликация отражает прежде всего общий закон экономии языковых средств, когда говорящий в силу своих психофизиологических особенностей хочет с помощью меньших усилий достичь того же результата, который он бы имел, если бы он прибегнул к общепринятому способу выражения мысли.

Экономия лексических средств во многих случаях необходима для достижения оптимального числа компонентов в КВ, равного, исходя из правила Миллера – Ингве, 7 ± 2 . Главным оказывается не структура образований, выходящая за пределы сложного предложения, а их компактность (сравн. ставшие крылатыми мини-диалоги: *Спасайся, кто может! – А кто не может?*; *Что вам надо? – Шоколада – и объединения фраз: *Не потерлю! Сокрушу! Разорю!*; *Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!*), подготавливающая почву к выполнению КВ номинативной функции.*

Согласно проведенным подсчетам, среднее число компонентов у новых КВ – 5,6 (т. е. не превышает 7). При этом выражения из 4 и менее слов составили больше половины – 55,7%, значительна и доля выражений из 5 – 9 слов (т. е. 7 ± 2) – 36,9%. Таким образом, 92,6% – это КВ с малым или средним компонентным составом.

Импликация выступает в трех разновидностях: опускается начало, конец или срединная часть прототипа. Качественный состав утрачиваемых компонентов более разнообразен. Абстрагирование от первоисточника требует уменьшения доли ситуативно обусловленной лексики, чтобы соотноситься не с одним фактом внеязыковой действительности, а со множеством, поэтому КВ избавляются от местоимений, выполняющих действительную функцию: «их общественное бытие определяет их сознание» > *бытие определяет сознание*; «Какой великий артист во мне погибает!» > *Какой великий артист погибает!*

Оттачивание формы однословного КВ ведется и по линии освобождения от компонентов с ослабленным лексическим значением, прежде всего – местоимений иных разрядов, частиц, междометий: «Раз в стране бродят какие-то денежные знаки, то должны же быть люди, у которых их много» > *Раз в стране бродят денежные знаки, то долж-*

ны быть люди, у которых их много; «**Это** индейская национальная изба, – говорит пес. – «Фиг-вам» называется» > *Индийская национальная изба – «фиг-вам» называется*.

Четкость структуры, афористичность крылатых фраз достигается за счет того, что опускаются слова и конструкции, грамматически не связанные с членами предложения и осложняющие его, ср.: «**Тихо, граждане!** Чапай думать будет!» > *Тихо! Чапай думать будет!*; «В жизни, **знаешь ли ты**, всегда есть место подвигам» > *В жизни всегда есть место подвигу*; «Этот **безумный**, безумный, безумный, безумный мир» (< англ. «It's a mad, mad, mad, mad world») > *этот безумный, безумный, безумный мир и этот безумный, безумный мир*.

Экспликация прототипа детерминируется законом, проявляющимся только в том случае, если язык рассматривать как функционирующую систему, как средство общения. Этот закон можно назвать законом экспрессивизации, где под последним термином подразумевается намерение говорящего выразить себя.

Первая из причин экспликации прототипа заключается в стремлении говорящего конкретизировать семантику оборота. Под влиянием этого фактора в обиходе укоренилось КВ в форме *Сколько вам нужно для **полного** счастья?*

Другая причина расширения компонентного состава кроется в желании говорящих сохранить тождество КВ, а значит, и его экспрессивность, которое может быть легко разрушено, если КВ имеет апплицируемый прототип, а соответствующее омонимичное выражение принадлежит к ходовым: *Спокойствие, только спокойствие, как говорил Карлсон; картина Репина «Не ждали!», немая сцена из «Ревизора»*.

Третья причина связана с людической – игровой – функцией языка. Один из приемов обыгрывания КВ состоит в их всевозможных переделках, в результате которых возникают окказиональные обороты. Такого рода палимпсесты имеют шанс приобретения ими популярности войти в национальный фразеологический запас, как это произошло с выражением *Не стесняйся, тыница, носа своего, он ведь с красным знаменем цвета одного*, сохранившим даже имя автора трансформации. (Им был И. Губерман, переименовавший первый куплет стихотворения С. Щипачева «Пионерский галстук».)

Для рассматриваемого способа преобразования прототипа важны те случаи, когда комический эффект достигается путем продолжения фразы. Наверное, рекордным по числу переделок такого рода является библейское выражение *Да будет свет!*: «*Да будет свет!*» – *сказал Магомет*; «*Да будет свет!*» – *сказал монтер и вынул спички из кармана* и др.

Таковы наиболее типичные модели импликации и экспликации прототипов, применяемые при формировании фонда КВ русского языка. Сама возможность их определения свидетельствует, что в языке уже выработаны механизмы превращения оборота в крылатый, которые обязательно задействуются в тех случаях, когда возникает необходимость ликвидировать несоответствие формы прототипа структуре сходных с КВ языковых единиц или содержанию, тем номинативным задачам, которые являются актуальными для данного лингвокультурного сообщества.

Семиотические свойства повтора во фразеологизированных единицах языка

Л. В. Ксенофонтова

Московский педагогический государственный университет

В теории языка повтор справедливо признается одним из проявлений свойства иконичности языковых знаков. Как установил Ч. Пирс, к иконическим относятся знаки, в том числе и знаки языка, обнаруживающие фактическое подобие означаемого и означающего, причем подобие может проявляться в виде образа (копии), диаграммы и метафоры [2, 169]. (Идеи Ч. Пирса подробно прокомментировал и развил Р. Якобсон [4]; обзор исследований явления иконичности проведен в [3]; теоретическое осмысление иконичности в разных языках представлено в [1].) Но как конкретно реализуется это свойство в различных модификациях повтора в языке, предстоит еще выяснить. В частности, вызывает интерес роль повтора во фразеологизированных единицах языка – лексических и синтаксических фразеологизмах, пред-

ставляющих собой постоянно воспроизводимые элементы речи, служащие средством ее автоматизации и экспрессивности. Переосмысление лексического и / или грамматического состава, устойчивость и воспроизводимость – основные и универсальные признаки фразеологизмов. В отличие от риторических, стилистических и композиционно-дискурсивных употреблений повтора, его роль в фиксированных единицах языка обусловлена предварительной, свершившейся, обработанностью языковым сознанием и языковым опытом построений с повторяющимися компонентами. Такую разновидность повтора точнее обозначает термин «редупликация», однако при анализе единиц с тождественными компонентами в семиотическом аспекте более приемлемым является гипероним «повтор» как отражающий взаимосвязь

формы знака с существенными свойствами процессов повторения в действительности.

Что же выявляет рассмотрение знаковой природы повтора во фразеологически закреплённых языком построениях?

Прежде всего, повтор относится к знакам «вторичного означивания», т. к. передает оценку говорящим сообщаемого факта как заслуживающего внимания превосходством над обычным, «нормальным» в количестве, качестве или другом свойстве. Удвоение лексемы или корня лексемы **диаграмматически** передает это превосходство. Кроме того, **метафорически** повтор в языке передает более сложные, чем количественные, установленные языковым сознанием отношения: однородность, тождество составных элементов действительного мира, в том числе, человека; результат неоднократного умножения выделенного в опыте «однородного», проявляющийся в его количественном и качественном усилении, полноте, интенсивности; объективные способы существования во времени и пространстве повторяющихся явлений, фактов, событий (периодичность, ритмичность, очередность).

В первую очередь, повтор связывается языковым опытом и языковым сознанием с самим человеком: с его физическим обликом (**парность, тождество, однородность** частей тела самого человека и его телесное сходство с другим – *палец о палец, рука об руку, глаза в глаза, нос к носу*); с его аффективными психофизическими состояниями (дрожь, плач, крик человека характеризуются **интенсивностью, ритмичностью** колебаний – *дрожмя дрожит, хоть криком кричи*); с его эмоционально-духовной жизнью (полное согласие, согласие **вдвойне** – *душа в душу*).

Повтор концептуализируется языковым сознанием как **последовательный** (*из уст в уста, из поколения в поколение*) и **«челночный»** (*из стороны в сторону, от случая к случаю, время от времени*).

Познающий субъект обобщает **регулярность** (*изо дня в день, из года в год*) и **периодичность** времени (*день за днем, год за годом*), акцентирует **очередность** (*слово за словом, шаг за шагом*), констатирует **точность** совпадения (*точка в точку, тютелька в тютельку, след в след*), **копирование** (*слово в слово*), **полноту сходства, подобия** (*капля в каплю, один к одному*) и **границы** охвата (*от корки до корки, от сих до сих*).

Сама повторяемая сущность может быть единицей **меры**, эквивалентом (*баша на баша, око за око, зуб за зуб, кровь за кровь*) или **эталонном** (*всем женам жена, виртуоз из виртуозов, книга книг*). Повтором передается наивысшая степень, **предельность, интенсивность** качества (*болван болваном, негодяй из негодяев, страшный-страшный, голым-голенька, точнее точного, туча тучей*) и количества (*туча тучей, тьма тьмуца, ливня льет, хоть пруд пруди, мошеник на мошенике*). Повтор передает «сгущение», **концентрацию** существенного, способствует акцентированию самого важного (*святая святых, начало начал, соль соли земли*).

Действия человека эмоционально характеризуются говорящим со стороны **длительности** (*ждем-ждем, ждем-*

ждем, а его нет; жить бы да жить), **многократности** (*просил-просил, таскать не перетаскать*). С помощью повтора концептуализируются намерения говорящего и речевые тактики в диалоге: **акцентирование** неодобрения (*старик-старик, а туда же; брать берет, а вовремя не отдает*), подчеркивание важности / неважности кого-, чего-либо (*уж кто-кто, а он оценит; плачь не плачь, все равно заберут*), безразличия к чему-либо (*на поезде так на поезде*).

На фоне осознания **однородности** предметов, явлений и отступлений от них для познающего субъекта приобретают значимость понятия **типичности и нормы**. **Однотипность** событий, ситуаций, их частая **повторяемость** приводит к осознанию их типичности и пониманию нормы не как эталона, а как **стереотипа** или соответствия стереотипу (*ваза как ваза; кошка и кошка*). Отношения соответствия / несоответствия норме, типичности явлений, которые говорящий не просто оценивает, а судит (обычно в ситуациях затруднения), закрепились в языковой системе в форме тавтологических суждений. Такие суждения выражаются изолированными предикативными конструкциями: *Жизнь есть жизнь. Жизнь – это жизнь. Жизнь как жизнь*. В логико-семантической основе этих конструкций лежит значение **тождества**, но благодаря повтору опорных компонентов за конструкциями закрепило значение оценки явления как не выходящего за рамки **обычного, типичного**. Воспроизводимые связочные элементы выступают как форманты оттенков значения. Эти формулы воспроизводятся в спонтанной речи в качестве стереотипных обоснований, «успокаивающих» (речевая тактика собеседника. Несоответствие норме, стереотипу осуждается (*Все люди как люди, а ты опять проспал*), неожиданное превышение планки нормы обычно вызывает повышенную эмоциональность говорящего (*Вот встреча так встреча!*)).

Как показал анализ, разнообразные процессы повторения в реальной действительности концептуализированы в языке в виде сети пересекающихся значений лексического, фразеологического, грамматического и прагматического характера, выраженного лексемами (показано курсивом) и фразеологическим средствами.

Обобщая, можно сказать, что свойства повтора как способа образования устойчивых и воспроизводимых единиц языка скорее всего обусловлены иконической природой языкового сознания, которое отразило в своих категориальных значениях наиболее существенные процессы повторения в пространстве, времени и жизни человека.

Литература

1. Кибрик А. Иконичность // Энциклопедия «Кругосвет». <http://www.krugosvet.ru/>.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Ярцевой. 2 изд. М., 2000.
3. Сигал К. Я. Проблема иконичности в языке (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 100–120.
4. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.

Фразеоним как функциональная ономастическая единица

Н. А. Максимчук

Смоленский государственный университет

Имя собственное, классификация, функциональная сфера, фразеологическая единица, фразеоним

Summary. Within the limits of the problem of classification of proper names the possibility of singling out of the functional onomastics unit – phraseonym is discussed.

Проблема классификации имен собственных (ИС) является одной из центральных в теории ономастики, что подтверждается и самим существованием множества классификаций ономастических единиц (В. Бах, А. А. Белецкий, В. Д. Бондалетов, Л. А. Введенская и Н. П. Колесников, М. В. Горбаневский, В. А. Никонов, Н. В. Подольская, А. В. Суперанская и др.). В основе классификаций именов лежат: степень распространенности наименований, построенных по определенным словообразовательным моделям; хронологический принцип, учитывающий хронологическую ценность суффиксов; тип именуемого объекта ([2], [6], [7] и др.).

В рамках последней классификации, получившей наиболее широкое распространение, последовательно выделяются *антропонимы, топонимы, зоонимы, теонимы, мифонимы, космонимы / астронимы, хремотонимы* и некоторые другие разряды собственных имен, которые могут быть представлены с большей или меньшей степенью детализации и охватывают практически все объекты, имеющие собственные наименования. Однако, как показывает дальнейшее расширение и углубление ономастических исследований, перечисленные классификации не исчерпывают всех присущих им характеристик. Так, обращает на себя внимание тот

факт, что разряды онимов, выделяемые по типу именуемого объекта, имеют неодинаковый статус, что побуждает к введению дополнительного классификационного признака. Этим признаком будет *гомогенность / гетерогенность* обозначающих объектов.

По признаку *гомогенности / гетерогенности* различаются разряды имен собственных, обозначающие однородные объекты: *антропонимы* (люди), *топонимы* (географические объекты), *зоонимы* (животные), *космонимы / астронимы* (объекты космического пространства, небесные тела) и некот. др., и разряды ономастических единиц, которые в качестве своеобразного родового понятия объединяют в своем составе разнородные объекты. Основой для такого объединения будет общность сферы преимущественного бытования онима (религия, мифология, литература и др.). В эту группу прежде всего войдут *религионимы* [4], (религионимы – теонимы, религионимы – агрионимы, религионимы – антропонимы, религионимы – топонимы, религионимы – хрононимы, религионимы – хрематонимы и т. д.), *мифонимы* (мифонимы – антропонимы, мифонимы – зоонимы, мифонимы – хрематонимы, мифонимы – топонимы и т. д.), *литературные имена* (в сфере художественной литературы могут выступать практически все известные разряды ономастических единиц). Учет названного классификационного признака онимов оказывается необходимым при исследовании структуры и содержания любого ономастического пространства.

Существенным классификационным признаком онимов представляется сфера их языкового функционирования, в которой, в свою очередь, могут быть выделены функциональные макро- и микросферы. *Функциональной микросферой* для онимов, как и для других языковых единиц, можно считать выделяемые современной лингвистикой функциональные стили и функциональные разновидности русского языка, специфика которых – в большей или меньшей степени – будет проявляться и в характере используемых в них имен собственных, в их языковых и внеязыковых особенностях (фонетических, акцентологических, орфоэпических характеристиках, стилистической и экспрессивной окраске, характере и структуре ассоциативно-культурного фона и т. п.).

Функциональной микросферой для языковой единицы служит непосредственный контекст ее употребления. Одной из таких микросфер для онимов будут широко понимаемые фразеологизмы, ключевым словом в которых является имя собственное (3, 5, 8 и др.), или иначе *фразеологические единицы с ИС-компонентом* (Как *Мамай* прошел; По *Сеньке* шапка; В *Тулу* со своим самоваром; *Москва* не сразу строилась; Вот тебе, бабушка, и *Юрьев день* и т. д.).

Есть основания утверждать, что имя собственное, функционирующее в составе фразеологизма, приобретает некоторые особенности, которые позволяют вычленять его из ряда других имен собственных. На основе взаимодействия фразеологизма с его ИС-компонентом формируется особая ономастическая единица, которая может быть обозначена термином *фразеоним*.

Фразеоним – комплексная ономастическая единица в составе фразеологизма, совмещающая в своей семантике и выражающая в ассоциативно-культурном фоне признаки онима и фразеологизма. Как правило, фразеоним выполняет роль ключевого слова в составе ФЕ. Комплексный характер фразеонимов проявляется в том, что они не отделены от своей функциональной микросферы – фразеологической единицы.

В иерархии классификационных разрядов имен собственных фразеоним как единица функциональная занимает более высокую ступень, чем разряды, обозначающие онимы по типу именуемого объекта, так как в функции фразеонимов могут выступать любые ономастические единицы, если они выполняют роль ИС-компонента в составе фразеологизма.

Совокупность фразеонимов формирует фрагмент картины мира языковой личности. Этот фрагмент будем называть *фразеоломастической картиной мира*, отражающей языковые и мировоззренческие представления народа, зафиксированные в фразеологических единицах с ИС-компонентом и проявляющиеся в ассоциативно-культурном фоне фразеонимов. Важным свойством фразеоломастической картины мира является то, что собственно языковое и концептуальное содержание отражается в ней в неразрывном единстве. Так, исследование фразеологических единиц с ИС-компонентом, входящих в собрание В. И. Даля «Пословицы русского народа», позволяет воссоздать фрагмент русской фразеоломастической картины мира, характеризующей языковые и мировоззренческие предпочтения русского народа первой половины 19 века [1].

Задача изучения фразеонимов состоит в дальнейшем исследовании их типов, содержания и структуры их ассоциативно-культурного фона, в разработке способов лексикографической интерпретации русской фразеоломастической картины мира.

Литература

1. *Альдингер О. П.* Фразеоломастическая картина мира в «Пословицах русского народа» В. И. Даля. Автореф. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006.
2. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
3. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1987.
4. *Максимчук Н. А.* Ономастическая составляющая нормативно-научной картины мира русской языковой личности в содержательных и структурных характеристиках // VI Поливановские чтения. Ч. II. Смоленск, 2003.
5. *Мокшенко В. Н.* Образы русской речи. Л., 1986.
6. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
7. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973.
8. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Структура и концептообразующее функционирование фразеологических конфигураций в поэтическом тексте

А. М. Мелерович

Костромской государственной университет

Фразеологизм, фразеологическая конфигурация, поэтический текст, концепт

Summary. The report considers the structure of phraseological configurations in poetry, peculiarities of their functioning, their role in concept-making.

Фразеологическая конфигурация (ФК) представляет собой структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое фразеологической единицей (ФЕ) и фразеологическим контекстом – ее вербальным окружением, достаточным для идентификации ФЕ в тексте и реализации ее функционального назначения. Часть фразеологического контекста (или фразеологический контекст в целом), необходимая для реализации конкретного смыслового содержания ФЕ, непосредственно мотивирующая ее употребление, является *фразеологическим актуализатором*. ФК в поэзии образуются отдельными строфами, рядами строф, текстами поэтических произведений.

В зависимости от основной функции фразеологического актуализатора дифференцируются два типа ФК: ФК, служащие семантизации смыслового содержания ФЕ в контексте, и ФК, реализующие стилистический контекст ФЕ, служащие выражению семантико-стилистической тональности ФЕ. Для поэтического текста (ПТ) характерно совмещение этих функций фразеологических актуализаторов. ФЕ в соотношении с другими компонентами ФК репрезентируют художественные концепты, структура которых имеет многослойную иерархическую организацию. В поэзии наиболее ярко проявляется широта их семантических потенций, художественная ассоциативность. См., например, следующую

ФК в стихотворении М. Цветаевой «Соломинка»: *Аристократ и варвар заодно, Их жесты, разумеется, не схожи, Но пить из дамской туфельки вино и Лаптем щи хлебать – одно и то же. ...кто грубей, кто низменней? Бог ведает! Черт знает!* Концептуальное содержание этой ФК – идея низменности в ее контрастных проявлениях – передается сопоставлением ФЕ *лаптем щи хлебать* с ее стилистическим антонимом *пить из дамской туфельки вино* и семантизирующими фразеологическими актуализаторами, находящимися в препозиции и постпозиции по отношению к данным оборотам.

Индивидуально-авторское употребление ФЕ сопряжено с имплицитным или эксплицитным фразеологическим повтором, так как концептуальное содержание ФЕ и ее исходная языковая структура неизбежно актуализируются в памяти адресанта и адресата. Фразеологический инвариант присутствует (чаще имплицитно) в составе порождающего контекста, обуславливающего то или иное индивидуально-авторское употребление ФЕ, фразеологический повтор.

Фразеологические повторы, как и повторы единиц других языковых уровней, наиболее отчетливо обнаруживаются в ПТ. Это связано с универсальной для поэтических произведений структурной закономерностью возвращения, повтора элементов, реализующих отношения уподобления и противопоставления [Лотман 1972, 39]. Фразеологические повторы часто осуществляются на семантическом уровне, когда ФЕ употребляется в составе парадигмы синонимов, перифраз. См. употребление ФЕ *земля обетованная* в ряду перифраз, образующих анафорический градиционный ряд символов, атрибутов поэтического творчества: *Мой старый стол, мой отчий край, мой дальний берег, Моя земля обетованная, мой остров, мой утлый плот, моя спасительная шлюпка Над штормовую глубину девятибалльной...* (Ю. Левитанский).

ФК в поэзии репрезентируют инварианты, парадигмы поэтических образов, основанных на сходстве, отождествлении несходного. Отношением отождествления связаны левый элемент (то, что отождествляется) и правый (то, с чем происходит отождествление). ФЕ, чаще трансформированные, репрезентируют левый член парадигмы. Ср. в поэзии И. Бродского: *Сердце скачет, как белка, в хворосте ребер; ...мысль моя, как белочка и круг – о быстром движении мысли с многократным возвращением к исходному положению, вопросу; ...превращенье бумаги в козла отпущенья обид.*

В ПТ часто наблюдается семантическая актуализация компонентов ФЕ. Актуализацию слов-компонентов ФЕ в ПТ могут создавать характерные для поэзии звуковые и лексические повторы, синтаксический параллелизм. Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» основную текстообра-

зующую функцию выполняет градиционный ряд образных перифраз, параллельных синтаксических конструкций, продуцируемых ФЕ *капля в море*, созданных по ее модели. Здесь слово компонент ФЕ *капля* и его контекстуальные корреляты *секунда, слезинка* служат выражению ощущения поэтом своей сопричастности огромному, необъятному миру: *«Можно обойтись и без меня. Но зачем? Секундой в толще дня, Каплей в океане моря И слезинкою в рыданье горя Пригодиться я еще могу...».*

Отдельные слова и сочетания слов, вычлененные из ФЕ, а также обороты, созданные на базе компонентов ФЕ в соотношении с другими компонентами ФК, могут функционировать в качестве ключевых образов фразеологических конфигураций, в целом репрезентирующих индивидуально-авторские концепты или субъективно выделяемые атрибуты концептов. Так, в контексте ФК *Отсутствие метафор видит Бог. Он всякое безрыбье замечает. Листая, он скучает между строк...* (И. Ермакова) компонент *безрыбье* ФЕ *на безрыбье и как рыба* является ключевым образом-символом концепта «отсутствие важного, необходимого; скудость средств словесного выражения», вербализованного строфой стихотворения. Оборот *карета прошлого*, вычлененный из состава крылатой фразы, в стихотворении Б. Окуджавы «В карете прошлого» служит ключевым символом основных элементов концептуального содержания стихотворения, которые могут быть эксплицированы дефиницией «радужные воспоминания о минувшем; возврат к прежним надеждам, мечтам, ко всему дорогому и близкому». Оборот *пустынная манна* (ср.: *манна небесная*) в контексте противопоставления скудной жизни ранних христиан роскоши языческого Рима/ – *А вы, – сказал: – Пустынной манне предпочли Пирры египетской земли* (А. Майков) символизирует скудное существование.

Индивидуально-авторские концепты, выражаемые парадигмами тропов, перифраз, группирующихся вокруг ФЕ, в соотношении с ними образующих разнообразие стилистические фигуры, наиболее типичны для поэзии. В поэтическом языке есть специфичные для поэзии способы сведения к единому смысловому фокусу слов, ФЕ, различных комбинаций языковых знаков, обозначающих часто логически несовместимые представления, понятия (звуковое сходство, создающее сходство семантических ассоциаций; ритмико-синтаксический параллелизм и др.). ФК в поэтическом произведении образуют своеобразный замкнутый контекст, в пределах которого возникает особое окказиональное осмысление ФЕ, их трансформов, взаимодействующих с ними разноуровневых единиц языка. Наиболее полное, глубокое осмысление ФЕ, ФК в поэзии часто сопряжено с выходом в контекст поэтического цикла, творчества поэта.

Спорные проблемы современной фразеологии

В. М. Мокленко

Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеология как самостоятельная и молодая лингвистическая дисциплина рождалась в дискуссиях, сохранивших и сейчас свою актуальность. Определение фразеологической единицы (ФЕ, фразеологизма), границы фразеологии, ее уровень статус, категориальные свойства ФЕ, взаимодействие фразеологии с другими языковыми уровнями, семантическая и стилистическая специфика, методы синхронического и диахронического исследования фразеологии, диапазон ее культурологического потенциала и другие проблемы остаются основной «мишенью» теоретической фразеологии. Тем не менее практика – прежде всего фразеографическое описание русской и иноязычной фразеологии в нашей стране – помогла если не окончательно ответить на эти спорные вопросы, то во всяком случае диалектично смягчить их остроту.

Так, одна из центральных проблем – проблема уровня статуса фразеологии в целом решена положительно. Факт относительной уровневой самостоятельности фразеологии в общей системе языка признается сейчас (разумеется, с различными ограничениями и дискуссионными комментариями)

большинством лингвистов. Исследования фразеологов и словарное описание фразеологии разных языков при этом показали, что фразеологический уровень языковой системы структурно и функционально-семантически весьма отличается от других уровней – фонологического, морфологического и словообразовательного, лексического и синтаксического. Это различие закрепляется прежде всего в комбинированном, компликативном характере фразеологических единиц: обладая признаками всех других языковых уровней, ФЕ эксплицируют такие признаки по-своему, просеивая их сквозь фильтры собственно фразеологической семантики и формы.

Взаимодействие ФЕ с единицами других языковых уровней показывает, что «материальная зависимость» первых от вторых несомненна, но далеко не равнозначна. Фразеологическая подсистема отбирает из каждого уровня то, что соответствует ее собственному статусу, отсекая необязательное и излишнее. Квоты такого «усекования» можно выявить путем анализа фразеологического варьирования, процесс которого охватывает весь уровневый диапазон языковой си-

стемы. Поскольку общей спецификой фразеологического варьирования является допущение различных формальных трансформаций при сохранении относительной стабильности структурно-семантической модели (resp. фразеосхемы), то пределом парадигматической свободы единиц, входящих в состав ФЕ, является именно такая стабильность.

Сформулированное ограничение определяет и специфику функционирования единиц разного уровня в составе ФЕ. Поскольку, в отличие от лексемы, последняя членится не на морфемы, а на словесные компоненты (как правило, с ослабленным лексическим значением), то парадигматическая амплитуда фонем и морфем в таких компонентах значительно сужена. Фонетические варианты, например, в большинстве случаев оказываются для фразеологического уровня нерелевантными, поскольку практически не влияют на структурно-семантическую модель. Морфологическая парадигматика как компонентов ФЕ, так и фразеологизмов как единого целого, также диктуется прежде всего взаимодействием фразеологической модели (или конкретной ФЕ) с контекстным окружением. Отсюда – хорошо изученная фразеологами парадигматическая «ущербность» компонентов ФЕ на морфологическом и словообразовательном уровнях.

Особо специфично взаимодействие ФЕ с лексическим уровнем языковой системы. Включая в свой состав слова как компонентную основу, фразеологический уровень накладывает на их формальную и семантическую парадигматику существенные ограничения. Полисемантические лексемы в составе ФЕ становятся как правило моносемантическими, сочетаемость их с другими словами резко сужается, стилистические параметры меняются в зависимости от стилистики ФЕ как неделимого целого. Предел свободы лексемы в составе ФЕ – некротизация компонентов, нередко завершающаяся разрушением ФЕ, т. е. превращением его, в свою очередь, в слово (ср. наречия типа *начеку*, *настороже*, *дотла*, *вдрызг*, *вдребезги*; укр. *насторожі*, *дотла*, *уцент*, *доценту*). Лексическая вариантность, однако, явля-

ясь специфичным типом фразеологического варьирования, обеспечивает сохранение за лексемами – компонентами ФЕ сохранение относительной словности.

Синтаксическая парадигматичность ФЕ, как и парадигматичность лексическая, имеет двойную направленность. С одной стороны, ФЕ как словосочетания являются сущностью единицами «малого синтаксиса». Они при этом, как и лексемы, характеризуются гораздо меньшей комбинаторикой, ограничиваемой как семантикой компонентов, так и целостным фразеологическим значением. Синтаксически модели ФЕ и свободных словосочетаний в то же время остаются идентичными. С другой стороны, как целостные, неделимые единицы ФЕ вступают в активные синтаксические связи с текстами разного объема, что функционально сближает их со словами. Пределы такой связи также во многом определяет семантическая специфика ФЕ.

Основная специфика фразеологического уровня по сравнению с другими, как видим, определяется структурно-семантическими ограничениями, вытекающими из компликативной сущности ФЕ. Такая компликативность порождена внутренней динамичностью фразеологической системы, регулируемой как собственно языковыми оппозициями («устойчивость – неустойчивость», «моделируемость – немоделируемость», «имплицитность – эксплицитность», «образность – безобразность», «экспрессивность – нейтральность» и др.), так экстралингвистическими («синхрония – диахрония», «свое – чужое», «новое – старое» и др.). Ряд таких «энергетических» поляризаций во фразеологии велик, но не бесконечен. Их выявление, иерархизация и объективный анализ необходимы для дальнейшего постижения специфики столь непостижимого в своей противоречивости языкового уровня, как Фразеология. Необходимы не только потому, что именно система этих оппозиций определяет динамизм фразеологической системы, но и потому, что их взаимодействие порождает многоаспектность ФЕ, дающую объективный повод для дискуссий.

Номинативная единица и стереотип в семантико-синтаксической модели русских изречений

А. Н. Овчинникова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Семиология, комбинаторная семантика, семантическая типология, номинативная единица, генеративный лексикон

Summary. The article offers an experiment of semantic typology of sign generating process. Semantic-syntactical model is procedural manifestation of textual meaning. Semantic manifestation of a word (definition) in the vocabulary is declarative. A language unit (word) and a speech unit (sentence) are objectively connected by the notion of the «nominative unit». A nominative unit, when compressed into a word, is simultaneously a result of sentence compression. Cognitive compression of Russian sayings is realized via the procedure of the inventory of stereotypes.

В докладе предлагается опыт семантической типологии порождения знаков. Семантико-синтаксическая модель является процедуральным представлением смысла текста. Представление семантики слова в словаре (дефиниция) имеет декларативный характер. Единица языка (слово) и единица речи (предложение) объективно связаны понятием «номинативная единица». Номинативная единица, сворачиваясь в слово, одновременно является результатом компрессии предложения. Смысловая компрессия русских изречений осуществляется через процедуру установления стереотипов.

Семиология является той областью знания, которая позволяет определить закономерности перехода от *сигналов*, обозначающих представления, к *знакам*, обозначающим понятия. Исходя из аксиом различения и порождения, сформулированных В. В. Мартыновым [1], **сигнал** – это единица, отображающая представление в целом (типа эскимосского *qapa* ‘падающий снег’), а **знак** – единица, отображающая повторяющиеся элементы представлений, полученные путем сравнения. «Язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т. е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций), и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается» [2, 18]. **Слово** и **предложение** различаются как, соответственно, **знак** и **сигнал**.

Предлагаемый опыт *семантической типологии* порождения знаков направлен на моделирование принципов непро-

творечивого описания семантического потенциала единиц языка и единиц речи. Реализация указанных принципов есть дедуктивная практика – выведение знака с его присущими (сущностными) свойствами из системы с заданными исходными. В данном контексте под типологией понимается метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели. Теория знака позволяет непротиворечиво описывать информационные процессы, происходящие на уровне языка (когнитивный процесс) и на уровне речи (коммуникативный процесс).

Анализ предложения (текста) и слова в семиологическом аспекте предполагает рассмотрение общих законов существования и функционирования указанных объектов. Способность разворачивать и сворачивать смысловую информацию идентифицирует общее (языковое) свойство текста и слова.

Изречение выражает мысль и доносит ее до сознания адресата в компрессированном виде. Одним из способов экспликации ментальной компрессии в изречениях выступает устойчивая последовательность знаков [тог], (кто), которой присваивается значение **стереотипа**. В терминах *комбинаторной семантики* **стереотип** – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира.

Комбинаторная семантика – лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира (в отличие от *философии*, призванной изучать отношение модели мира

к миру). Принятое в данной отрасли научного знания разграничение внутреннего кода, языка и речи, модели мира и языковой картины мира снимает ряд противоречий в анализе содержания текста и слова [3].

Стереотип позволяет манифестировать *семантико-синтаксическую модель* русских изречений (ССМ), включающую один семантический субъект S_2 -в- S_1 (субъект-в-субъекте), выраженный расчлененным знаком [тот], (кто), где [тот] = S_1 , (кто) = S_2 , и два предиката (P_1 и P_2). Несмотря на раздельнооформленность, знак [тот], (кто) в семантическом плане представляет субъект, который тождественен самому себе ($S = S$ тот же самый: Он = Он тот же самый), то есть субъект сопровождается квантором «единственный». В результате свертки предикатов в номинативные единицы выводим ССМ: (S_2 -в- S_1 P_2) P_1 . Например: **Тот, кто работает, всегда молод** (Н. Н. Бурденко) = *Работающий молод*; *Нет более слепого, чем тот, кто не желает видеть* (К. С. Станиславский) = *Не желающий видеть слеп*; *Жалок тот, кто живет без идеала* (И. С. Тургенев) = *Живущий без идеала жалок*; **Человек, который не проявляет ума, тем самым проявляет свою глупость** (Н. Г. Гарин-Михайловский) = **Тот, кто не проявляет ума... = Не проявляющий ума глуп и др.**

В контексте между словом и его парафразой могут выделяться различные признаки субъекта – временные или постоянные, в таких случаях между ними нельзя установить смысловую адекватность. Так, изречение *Не ищите подлецов. Подлости совершают хорошие люди* (А. Вампилов) не преобразуется в **Хорошие люди подлецы (тот, кто совершает подлость)*.

Номинативная единица – это устойчивая последовательность знаков, в которой один знак (модификатор) определяет другой (актуализатор) [4, 33]. Например: *записная книжка, железная дорога, бежать галопом, смелый человек, тот, кто проявляет заботу* и др. Объединение номинативной единицы и предложения возможно путем нахождения, установления и определения **стереотипов**. Анализ стереотипов выделяет их разновидности – **индивид (тот)** и **признак индивида (кто)**. **Индивид** – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте мира. **Признак индивида** – разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует [3].

Декларативно семантика номинативной единицы описывается рядом словарных значений, процедурально слово представляет информацию об индивиде в сжатом, компрессированном виде: $N R(x)$, где N – индивид, R – отношение, x – признак индивида (тот, кто имеет отношение к признаку индивида).

На данном этапе следует различать свойство и функцию индивида, соответственно, $p(x)$ и $f(x)$. Переменный признак индивида переходит в постоянный, в результате получаем свойство. Например, в случае *лекарь (тот, кто лечит)* →

лечащий: ‘лечить’ – функция, ‘лечащий’ – свойство, ‘лекарь’ – индивид. В этом случае речь идет именно о номинативной единице, а само слово (суффиксальное наименование лица) можно рассматривать как свернутую номинативную единицу, которая имеет бинарную структуру: один из ее компонентов является определяющим, другой определяемым.

Если *азартный* (N) = тот, кто проявляет азарт, где R присваивается функция проявления признака (тот, кто имеет признак ‘проявлять азарт’), тогда $N = R(x)$ – *проявляющий азарт*. Компрессированная смысловая модель слова позволит заполнить потенциально возможные позиции слова с одинаковым отношением имени индивида к его признаку. Сравним: $N = R(x)$: *задорный* = *задор*, *запальчивый* = *запальчивость*, *горячий* = *горячность*, *страстный* = *страсть*, *рисковый* = *риск*.

Дефиниция предполагает только мотивационные отношения между словами, что означает совпадение индивида и его признака ($N = x$), тогда как в реальности языка представление информации в слове сводится к комбинации вариантов смыслов: **азартный** (N) = R (*азарт, задор, запальчивость, горячность, страсть, риск*).

Смысловая компрессия осуществляется на двух уровнях: на уровне языка (знак, слово, номинативная единица) и на уровне речи (сигнал, предложение, текст). Уровни анализа объединены понятием «номинативная единица». В контексте русских изречений порождение знаков предстает как результат рекомбинации (свертки и развертки) бинарных структур (генеративный лексикон).

Концептуально основания такого подхода восходят к теории номинации Я. Розвадовского [5], согласно которой *всякий акт номинации есть порождение двусоставного образования*, состоящего из идентифицирующего и дифференцирующего элементов. Идентифицирующий признак Я. Розвадовского является собственно самим знаком, а дифференцирующий – его модификатором. Например: *пятно* (знак) и *родимое пятно* (модификатор + знак = новый знак / номинативная единица). Двухкомпонентный характер номинативной единицы позволяет сворачивать ее в слово (например, *родинка*). Сочетание знака с модификатором – всегда потенциально новый знак.

Литература

1. Мартынов В. В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966. 147 с.
2. Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. Минск, 1974. 192 с.
3. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь // *Vocabulum et vocabularium*: Сб. науч. тр. по лексикографии / Отв. ред. Л. В. Рычкова и др. Гродно, 2005. С.32–35.
4. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск, 1998. 156 с.
5. Rozwadowski J. *Slowotworstwo i znaczenie wyrazow*. Т. III. Warszawa, 1960. 270 s.